

Если бы премьеры "Счастливец — Несчастливец" Театра сатиры и "Публике смотреть воспрещается" Мтюза подошли к концу прошлого сезона, они бы замечательно дополнили один из его явных контекстов. Театры тогда решительно взялись играть пьесы про самих себя, сделав "жизнь артиста" заметной темой. Но сентябрьские премьеры эту тему подхватили. "Сатира" — в привычной на этой сцене манере капустника, а Тюз — в приемах броского шоу.

Было мне назначение высокое

Наталья КАМИНСКАЯ

Сатировский вариант "жизни артистов" во многом созвучен своим прошлогодним предшественникам. Есть в нем что-то и от "Аномалии" Галина с ее обрушившимися на актеров провинциальными страстями. И от "Мести Гольдони" Климонтовича с его лицедеями, пафками на дешевый успех. И даже — от бергмановской пьесы "После репетиции" с ее мотивом недостижимости идеала. Однако все это существует в пьесе Г. Горина лишь названными предложениями.

Фото Г. НЕСЧАСТЛИВОГО

А. Ширвиндт — Счастливец, М. Державин — Несчастливец

Сюжет настолько плотно забит цитатами из пьес, которых множество переиграли за свою жизнь персонажи, анекдотами, остротами, короче — всякими бесприкрытыми эстрадными репризами, что постоянное смех в зале обеспечен. И можно было бы ни о чем, сидя в зале, не думать и ничего не чувствовать. Но Александр Ширвиндт и Михаил Державин, играющие главных героев, делают нечто сверх предложенного.

Именуя друг друга Аркадием и Геннадием (Счастливец — Несчастливец), они, не скрывая, играют самих себя. Все ложится идеально: и ампула (комик — трагик), и веселая репутация любимцев публики. И даже манера общения друг с другом, нажатая в эстрадных дуэтах, где Ширвиндт — скептический усталый умник, а Державин — милый простак. Пье-

са писалась именно на них человеком, которого связывает с артистами личная дружба.

Вот и пошло-поехало. Репетиция встречи Счастливец с Несчастливец (пьеса Островского "Лес") съезжает в перебранку. Чего в этом больше — признаков ампулы, ввевшихся, кажется, не то что в кожу, а в сами внутренности? Или привычки Ширвиндта и Державина в тех же ампулы веселить публику с эстрады и телеэкрана? Или, наконец, личной манеры общения, принятой между давними друзьями? Разбираться в этом — пустое дело. Это, видимо, хорошо понял режиссер Сергей Арцибашев и доверился простой, хоть и совсем

блестительно дешевый сюжет смахивает на правду, ибо (тоже триумз) — театр нашей жизни непредсказуем в своей пошлости.

Далее. Оказавшись на халтуре в какой-то "Керчи" или "Вологде", наши герои становятся эпицентром провинциальных страстей. Местные артисты (А. Барило, М. Яковлева) борются с местными властями, бастуют энергетика, кипят предвыборные страсти. Весь этот джентльменский набор социальных неурядиц выплескивается за кулисы, где на надувных матрацах пытаются заснуть между двумя левыми концертами московские знаменитости. Куда там! Без них, любимцев, нельзя, оказывается, решить ни вопрос бюджетных неплатежей, ни проблему творческого признания местных талантов. И опять смешно, и своим лежанием на пошлой жизненной поверхности очень похоже на правду.

Чудовищный гастрольный номер "Дон Жуан-Лепорелло" Ширвиндт и Державин обыгрывают со знанием дела. Тащат из зала Донну Анну и Командора (на моем спектакле в роли каменного гостя "выступил" известный критик Анатолий Смелянский, смею было!). Герои скачут на дурацких лошадках, поют препрошлые куплеты... Все знакомо. Все, как говаривала героиня чеховского рассказа "Драма", сыгранная незабвенной Раневской, — чисто биографическое.

Странное дело, количество непальных драматургических затей в какой-то момент обернулось неожиданным качеством. И обнажилась тема: хорошие артисты, растратившие себя на халтуру, любимцы публики, как разменная карта в безумных играх социума. Все, как оно и есть на самом деле.

Ширвиндт с Державиным играли Гоголя и Грибоедова, Шекспира, Чехова, Мольера. Один из них написал недавно хорошую, умную книгу. А в конце 90-х годов вышли на сцену самими собой, взяли поверх смешной чепухи отчетливую пронзительную ноту. Артисты-шестьдесятники вдруг запросили покоя и еще чего-то неуловимого, исполненного в интонациях старого исповедального театра. Того театра, где, казалось, все было чисто. Не на продажу.